

Горы Суйми, Монастырь Скайи.

Среди гор пряталась извилистая горная тропа, и как всегда в погожий солнечный день по ней шли толпы людей, бесчисленное множество верующих направлялись по дороге в Скайю, чтобы помолиться или поднести дары священным духам. Монахи Скайи тоже появлялись повсюду, встречая прибывающих людей, ведь эти горные тропы были довольно опасными, и монахи предотвращали различные происшествия, которые могли здесь случиться. Кроме того, у самих ворот монастыря стояли улыбчивые монахи, которые встречали и провожали людей. Все выглядело спокойно и гармонично, как всегда.

Ученик Главного Мастера Скайи, Фасян, сейчас стоял за воротам монастыря и наблюдал за проходящими людьми. Его уровень позволял больше не совершать ежедневные тренировки, однако он был очень ответственным, и когда видел, что кто-то из гостей слишком заторопился или устал, он всегда подходил, чтобы помочь, как и в этот раз.

Однако сегодня у него на сердце было беспокойно, как будто в нем поселилось волнение, и он не мог точно сказать, что это было. Он смотрел на мелькающие мимо лица и время от времени произносил молитвы, пока из толпы вдруг не появился силуэт одного человека, который встал прямо перед ним.

Фа Сян посмотрел на него и замер, он очевидно не ожидал увидеть этого человека здесь сегодня, но затем на его лице появилась спокойная улыбка, он сказал: «Мы снова встретились, брат Дан Сайон».

Это конечно же был Зевул. Увидев его серый халат из обычной ткани, стоящие вокруг посетители монастыря, очевидно, принимали его за бедняка, и только одно привлекало внимание – это его по-прежнему веселая и подвижная обезьянка.

Зевул на первый взгляд выглядел очень уставшим, и хотя он был всегда таким же молчаливым, сейчас у него как будто почти не осталось сил. Он только улыбнулся Фасяну и сказал: «Брат Фасян, прошу вас, сообщите Мастеру обо мне. У меня есть дело, о котором я хочу спросить Мастера Пухона».

Фасян улыбнулся и сказал: «Не волнуйтесь, брат Дан Сайон, ведь в прошлый раз Мастер уже решил, что когда бы вы ни пришли сюда, он непременно примет вас. Прощу, идемте за мной!» Договорив, Фасян направился к монастырю.

Зевул молча последовал за ним. По дороге он смотрел на величественные здания монастыря, из которых в небо парил дым благовоний, здесь было оченьлюдно, мимо него постоянно шли люди.

Они прошли немного, когда Зевул вдруг спросил Фасяна: «Брат Фасян, как вы считаете, в горах Айне обитает божество?»

Фасян, помолчав немного, ответил: «Брат Дан, как буддист, я отвечу вам, что божественное есть во всем, но что важнее всего, бог живет в сердце каждого человека».

Зевул замолчал, посмотрел на людей вокруг, затем тихо сказал: «Я не понимаю».

Фасян спокойно ответил: «Ваша жизнь полна испытаний, и она проверят вас на прочность,

однако если вы хотите ответов, вам нужно как следует поискать внутри себя способность не принимать все слишком близко к сердцу».

Зевул очень долго молчал, и так ничего и не сказал, да и Фасян не стал продолжать разговор, он просто вел его за собой. Они прошли по тропе до Внутренней горы малого монастыря Скайи.

Когда они подошли к хижине, Фасян кивнул Зевулу и тот остановился.

Фасян тихо постучал в дверь и сказал: «Мастер, это ученик Фасян, сегодня брат Дан Сайон прибыл в горы Скайи, чтобы поклониться вам».

Изнутри хижины раздался спокойный, полный милосердия голос Пухона: «Прошу, брат Дан Сайон, входите!»

Фасян осторожно открыл дверь, отступил назад и протянул руку Зевулу, тихо сказав: «Прошу вас».

Зевул кивнул, вошел в хижину, и Фасян вошел за ним, закрыв за собой дверь.

Пухон как обычно сидел на простой кровати, когда он посмотрел на Зевулу, его лицо озарила милосердная улыбка. Он сложил руки в молитве и сказал: «Ты пришел».

Зевул очень уважительно относился к мастеру Пухону, поэтому немедля отвесил глубокий поклон и сказал: «Прошу извинить за беспокойство».

Пухон с улыбкой покачал головой. «Я уже давно говорил, что для тебя двери монастыря Скайи открыты всегда, ты можешь приходить в любое время. И почему бы ты ни пришел, я буду рад тебя видеть, разве ты не знаешь об этом?»

Зевул немного подождал, затем поднял голову и посмотрел на Пухона. «Прошу простить меня, Мастер. В этот раз я пришел, чтобы узнать у вас одну вещь».

Пухон кивнул. «Говори, не волнуйся».

Зевул открыл рот, но снова замолчал, как будто не знал, с чего начать. Но в итоге он все-таки сказал: «Прошу вас, Мастер, скажите, есть ли в монастыре Скайи эспер под названием Диск Круговорота Неба и Земли?»

Пухон замер, а на лице стоящего рядом с ним Фасяна отразилось изумление. Они переглянулись, затем Пухон кивнул и сказал: «Все так, у нас действительно хранится такой эспер».

Зевул тут же странно вздрогнул, и Пухон, увидев это, слегка нахмурился. «Скажи, брат Дан Сайон, почему ты спросил об этом?»

Зевул, помедлив, ответил: «Честно говоря, вы ведь прекрасно знаете мою ситуацию, десять лет назад в Айне один мой друг был тяжело ранен из-за меня, и до сих пор не пришел в себя».

Пухон сложил руки в молитве и сказал: «Таким жертвенным поступком госпожи Лазурии восхищаюсь даже я».

Зевул ответил: «За десять лет я прошел через всю Поднебесную только ради того, чтобы спасти Лазурию, но небо неблагоприятно ко мне, и до сегодняшнего дня я ничего не нашел». Его лицо

слегка изменилось, но взгляд был темным, и нельзя было разглядеть, о чем он думает.

Зевул, помолчав немного, поднял голову и посмотрел на Пухона. «Прошу меня извинить, Мастер, но сегодня я пришел только потому, что в пути встретил одного старца, который сказал, что в монастыре Скайи есть один чудесный магический Диск Круговорота Неба и Земли, он имеет удивительную способность собирать энергию Ян и успокаивать душу, возможно, именно в нем есть надежда спасти Лазурию. Поэтому я поспешил сюда, и надеюсь, что Мастер проявит милосердие и передаст мне этот эспер. Как только я воспользуюсь им, я непременно лично верну его вам».

Наконец, губы Зевула дрогнули, очевидно он очень волновался, его лицо несколько раз поменялось, как будто он сомневался, но затем он сделал два шага вперед, сжал кулаки и медленно опустился на колени перед Мастером Пухоном.

Пухон удивленно вскинул руки и быстро сказал: «Не нужно всего этого, быстрее поднимайся».

Но Фасян уже подошел к Зевулу и помог ему встать.

Пухон очень долго смотрел на Зевула, его лицо по-прежнему было умиротворенным, однако в глазах показался легкий блеск. Очевидно, что этот эспер был для него очень важен, и он не мог вот так сразу принять решение.

Через некоторое время Мастер Пухон медленно сложил руки в молитве и сказал: «Брат Дан Сайон, я хочу спросить у тебя одну вещь».

Зевул тут же ответил: «Прошу вас, Мастер, спрашивайте».

Лицо Пухона стало серьезным, он сказал: «Диск Круговорота Неба и Земли – это тайна Скайи, о которой кроме меня знают только несколько Мастеров Скайи и мой приближенный ученик Фасян. Что за старец передал тебе такой секрет?»

Зевул замер, не зная, что сказать, он долго молчал, затем тихо ответил: «Прошу, Мастер, не гневайтесь, но это не мое желание, дело в том, что когда тот старец рассказал мне об этом, он просил ни в коем случае не выдавать своего имени, поэтому...» Его голос постепенно затих, а на лице отразилось отчаяние и волнение. Очевидно у него в сердце шло противостояние, но он так больше ничего и не сказал.

Пухон нахмурился, замолчал и опустил голову в раздумьях.

Увидев выражение лица Пухона, Зевул заволновался еще больше, перед тем, как он пришел сюда, он действительно предполагал, что этот эспер, о котором никто не слышал даже слухов, конечно же, обладает какой-то невероятной магической силой, и монахи Скайи вряд ли согласятся поделиться ею. Однако сейчас он не видел в реакции Пухона намека на отказ, но странным было то, что он заинтересовался источником, от которого Зевул узнал об эспере.

Конечно же, об этом ему рассказал тогда на древнем тракте у Хэяна Джосан, и чем дольше он был знаком с этим стариком, тем больше чувствовал, что этот странный гадатель, который иногда несет всякую чепуху, на самом деле был человеком глубочайших познаний. И когда Джосан рассказал ему об этом эспере, он взял с него строжайшее обещание, что он ни за что не выдаст своего осведомителя.

Теперь же в сердце Зевула поднялись две горячих волны – с одной стороны, это было обещание Джосану, с другой – еще более важное десятилетнее обещание. Ради Лазурии, пусть даже это

был только лучик надежды, он готов был сделать все, что угодно. И сейчас, когда он не мог ни отступить, ни уступить, в его сердце шла борьба, которая причиняла ему физическую боль.

К счастью, в этот момент Пухон вдруг тяжело вздохнул и сказал: «Ладно, не важно, кто сказал тебе об этом, все же ты связан судьбой с моим братом Пучжи, и к тому же этот эспер именно Пучжи и...» Пухон вдруг горько усмехнулся и замолчал, затем поднялся с кровати и, посмотрев на Зевула, сложил руки в молитве. «Брат Дан Сайон, идем со мной, я отведу тебя к одному человеку».

Зевул замер, но услышав, что Пухон больше не требует от него выдать источник информации, и, похоже, согласен отдать ему эспер, он невольно обрадовался и поклонился до земли, непрерывно дрожащим голосом повторяя: «Благодарю вас, Мастер».

Пухон поднял его с земли и с улыбкой сказал: «Оставь церемонии, идем!» Он запахнул халат и вышел из хижины.

Зевул и Фасян пошли следом, и Зевул, не сдержавшись, спросил: «Мастер, скажите, куда мы идем?»

Пухон вместо ответа спросил Зевула: «Брат Дан Сайон наверняка знает, как люди называют меня и нескольких моих братьев, Мастеров Скайи?»

Зевул кивнул. «Да, Четыре Великих монаха Скайи – «Хон, Дэ, Чжи, Хун, и эти имена отражают всю суть буддизма – Прозрачность, Мораль, Знание, Пустота». Когда Зевул произнес имя Чжи, на его лицо на миг мелькнуло странное выражение, а голос стал немного тише.

Пухон и Фасян сразу почувствовали это, и в душе вздохнули, но конечно же, ничего не сказали.

Пухон сложил руки в молитве и произнес: «Не говоря о нашем третьем брате Пучжи, четвертого брата, Пухуна, ты тоже когда-то видел. И теперь я отведу тебя к своему второму брату, Пу Дэ».

Они втроем спустились с внутренней горы малого монастыря Скайи, и снова вошли в оживленную атмосферу главного монастыря, где было шумно и вокруг парил дым от благовоний. По дороге, увидев монахов Скайи, люди складывали руки в молитве и уважительно кланялись, а некоторые даже кидались на землю с радостью и трепетом на лице. Даже некоторые старики, увидев Пухона, смотрели на него как на святого и преклоняли колени, касаясь лбом земли.

На лице Пухона сияло выражение спокойной радости и умиротворения, они прошли через самую оживленную часть монастыря и направились в более тихую, северо-западную часть. По мере их продвижения, силуэты верующих постепенно исчезали за их спинами, и вокруг становилось тихо. В конце концов, когда Пухон остановился в конце тропинки у дверей небольшого дворика, вокруг не стало совсем ни души.

Зевул поднял глаза и посмотрел вперед, увидев только, что этот дворик был совершенно убогим, посреди стояла лачуга высотой с одного человека, стены которой уже давно потрескались и кое-где обвалились. Повсюду росла сорная трава, которая наполовину закрывала собой дворик, однако было видно, что земля возле лачуги завалена сухими листьями, которые танцевали от ветра, отчего это место казалось еще более заброшенным.

Над лачугой на двери висела очень старая надпись, которая гласила: «Храм Успокоения

Сердца».

Зевул молча смотрел на эту разруху, как замороженный. Пухон вошел во дворик, Фасян последовал за ним.

Они прошли несколько шагов, но почувствовав, что Зевул не идет за ними, остановились и обернулись. Фасян немного удивленно спросил: «Брат Дан Сайон, все в порядке?»

Зевул вздрогнул, как будто пришел в себя, помолчал немного, затем подошел и спокойно ответил: «Ничего, просто это название на двери немного похоже на то место, где я жил в молодые годы, и я немного потерялся в воспоминаниях, прошу извинить».

Фасян покачал головой. «Ничего страшного, идем!»

Зевул кивнул и пошел вглубь дворика, Мастер Пухон уже остановился около деревянной лачуги, обернулся и посмотрел на них.

Зевул подошел и тихо произнес: «Прошу меня извинить».

Пухон слегка улыбнулся и сказал: «Не стоит извиняться». Он повернулся и осторожно постучал по двери лачуги, затем сказал: «Амитабха, брат Пу Дэ, сегодня я привел одного из наших братьев увидеться с тобой, извини что побеспокоил твою медитацию».

Из-за их спин подул свежий ветер, поднявший листья с земли и затрепетавший в полах их одежд. Казалось, что дверь перед ними покачнулась от ветра и тихонько скрипнула, затем медленно открылась вовнутрь, без какого-либо усилия с их стороны.

В то же время изнутри лачуги раздался хриплый скрипучий голос, похожий на какой-то заржавевший механизм. «Кто...же это... заставил тебя... брат... прийти в такую даль... а...»

Пухон слегка улыбнулся и вошел внутрь, Фасян вошел следом, но Зевул почему-то ощутил, как его сердце сжалось от волнения. Он сделал глубокий вдох и только потом шагнул внутрь лачуги.

И хотя Зевул уже давно знал, что монахи Скайи не из тех, кто гонится за комфортом и мирскими благами, ведь все в Скайе было обставлено крайне просто, все же, войдя в эту лачугу, он был удивлен. Здесь нельзя было говорить о простой обстановке, поскольку никакой обстановки не было совсем, здесь было пусто, и только на земле один угол был выстелен сухой травой, и на ней сидел в позе лотоса старый монах, его лицо было черным и сухим. Как раз сейчас он смотрел в их сторону.

Пухон вышел вперед и подошел к старому монаху. Зевул молча остался стоять за его спиной, увидев только, что по виду Пухон и этот монах отличаются как небо и земля. Пухон выглядел величественно, умиротворенно, от него исходила очень гармоничная аура. Не удивительно, что все, кого он встречал по дороге сюда, спешили ему поклониться. По сравнению с ним тот сидящий на подстилке из травы старый монах был похож на нищего безумца.

Пухон долго стоял перед старым монахом и смотрел на него, затем он вздохнул, сел прямо на грязную землю перед ним и сказал: «Брат, мы, должно быть, не виделись десять лет?»

Тот старый монах сложил руки в молитве и тем же скрипучим голосом медленно произнес: «Да... уж, брат... как... поживаешь?»

Зевул, услышав его слова, вздрогнул в душе. Ведь они живут в одном монастыре, и к тому же по дороге сюда он не заметил никаких признаков охраны, значит этот монах не ушел в затворничество. И все же за десять лет они не виделись ни разу, это было на самом деле странно.

Словно услышав мысли Зевула, Пухон развернулся к нему и с улыбкой сказал: «Это и есть мой второй брат, Пу Дэ».

Зевул, хотя и не представлял, зачем Пухон привел его встретиться с Мастером Пу Де, все же слава Четырех Мастеров Скайи уходила далеко за ее пределы, и к тому же сегодня он пришел с просьбой, так что, не решаясь медлить, он тут же отвесил поклон и сказал: «Ученик Зевул приветствует Мастера Пу Дэ».

Взгляд Мастера Пу Дэ медленно переместился к Зевулу, его движения были очень медленными и заторможенными, казалось даже, что ему трудно двигать глазами. Зевул в душе совершенно не понимал, почему один из великих Мастеров Скайи сделался таким, но на его лице не отразилось ни капли неуважения.

Пухон рядом с ним просто сказал: «Брат Пу Дэ тренирует одно из направлений буддизма, которое называется аскетизм. Слабые духом и невежественные люди не могут заниматься этим направлением, не смотри, что сейчас он выглядит сухим и истощенным, по уровню магии он уже давно перегнал меня».

Уголки рта на высохшем лице Пу Дэ слегка дернулись, было не ясно, улыбнулся ли он, все равно его выражение осталось неразличимым. Он медленно произнес: «Ты... шутишь...»

Пухон сложил руки в молитве и проговорил: «Амитабха», затем сказал: «Брат, сегодня мы вмещались в твою медитацию, за это прошу меня простить, и я готов понести должное наказание. Но это дело совсем не такое, как другие». Он посмотрел на Зевула и сказал: «Брат, ты знаешь, кто этот человек?»

С тех пор, как Пу Дэ посмотрел на Зевула, он так и не отвел взгляда, и только в его глазах виднелась непостижимая глубина, никто не мог сказать, о чем он думал.

Услышав слова Мастера Пухона, Пу Дэ медленно произнес: «Кто... это?»

Пухон слегка вздохнул и сказал: «Это человек, пострадавший от ошибки Пучжи десять лет назад, тот молодой человек из деревни Травников у подножия Айне, Дан Сайон».

«Что?» В этот раз голос Пу Дэ прозвучал непрерывно, и даже его лицо слегка изменилось. Немного помолчав, он внимательно посмотрел на Зевула и сказал: «Так это и есть... тот ребенок?»

Может быть из-за того, что он за короткое время произнес так много слов, голос Пу Дэ стал останавливаться реже, и стал намного более ясным и чистым.